

ПОЗЫВНОЙ КОЩЕЙ

КОМАРЬКОВ ВЛАДИМИР

18+

Владимир Валерьевич Комарьков

Позывной «Кощей»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70293229

SelfPub; 2024

Аннотация

Блоггер Гришин Александр, 29 лет от роду, приезжает в "горячую точку" взять интервью и сталкивается с необъяснимыми обстоятельствами...

Владимир Комарьков

Позывной "Кощей"

– Кого? Кошея? – спросил парень в затрапезного вида камуфляжной куртке и стоптанных «набок» кроссовках. Он задумчиво откусил кусок яблока, предварительно потеряв место укуса об рукав, и махнул автоматом куда-то в сторону передовой. – Попробуй в 113-й поспрашать. Они только «оттуда».

«Оттуда» привычно погромыхивало, постукивало и рокотало. Изредка до меня доносились отзвуки и чего-то более тяжёлого, чем автоматический гранатомёт или танковая пушка.

Я кивнул солдатику и зашагал в указанном направлении.

– Телефон хоть вырубил? – бросили мне в спину, и, оглянувшись, я уперся взглядом в глаза человека, внимательно разглядывающего мой новенький камуфляж и бронезилет. Снисходительности там было хоть отбавляй, но презрения не чувствовалось.

– Само собой! – сказал я и с трудом удержался от того, чтобы не продемонстрировать действительно выключенный час назад аппарат.

Он махнул рукой с яблоком и усмехнулся: понятно! Са- лагу видно издалека.

Позвольте представиться, меня зовут Гришин Александр Петрович, и я журналист. Блогер, если хотите, – сейчас все более-менее блогеры, но кое-кто пытается зарабатывать этим на жизнь. Мне 29 лет, и в миру я просто ГАП. На службе ни разу не был да и не рвался, чему способствовали искривление позвоночника и легкая форма астмы. В отличие от тех, с кем вот уже год дерутся наши парни, у нас с таким букетом в космонавты не принимают. Максимум, на что можно рассчитывать, если решу пойти добровольцем, – должность повара при каком-нибудь штабе. Как объяснил мне друг с нехилым военным прошлым, – в один далеко непрекрасный момент организм подведет, а ляжет вся рота. «Наверху» тоже не идиоты сидят. Так что ни к чему это.

Я поначалу комплексовал. Когда в первый раз был на фронте проездом, в глаза солдатам предпочитал лишний не смотреть – они здесь, под пулями, а я там – с телефоном. Но мне один знакомый сержант очень быстро вправил мозги: если нужда придет, то и без рук без ног за автомат возьмешься, а пока работу делают те, кому по долгу службы положено. Скажут идти – пойдёшь, а пока каждый своё дело делает. Вот я и делал.

Нет, я не военкор, но благодаря своим подписчикам сумел собрать денег на несколько коптеров и приборы ночного видения. Продукция дорогая, кому попало доверить, – страшно, вот потому сами с приятелем собрались и рванули в действующие войска. Васе отпуск пришлось на работе выклян-

чивать, а моя работа – это смартфон в руках. В итоге он – за рулем, а я что-то типа говорящего навигатора и ведущего в одном флаконе. Вот где-то километрах в пятидесяти от линии разграничения к нам и подсел сержант.

– Ты чего здесь забыл, парень?

Из-под укрытия, заваленного еловыми ветками, высунулась голова солдата в каске. Этот уже экипирован по полной: визор, тактические наушники, куча проводов от каких-то устройств на шлеме. Честно говоря, русского солдата молодёжь до сих пор воспринимала – «недотепа в пилотке и кирзачах». А тут практически «Терминатор». Разве что глаза не светятся красным.

– Мне сказали, что я могу здесь найти Кощея, – как учили, я старался не делать резких движений.

Шлем исчез на мгновение, а потом с другой стороны показался ещё один.

– Давай сюда, нечего на виду торчать. До передка рукой подать.

Долго упрашивать меня не пришлось. Я мигом добежал до траншеи и почти не глядя спрыгнул вниз. Конечно, с неприличия чуть не подвернул ногу, но упасть мне не дали – чьи-то сильные руки подхватили и поставили на ноги.

– Пресса что ли? – окликнули меня сзади, и, повернувшись, я разглядел пятерых в камуфляже.

Все при оружии. У троих на лицах вязаные балаклавы. Все

смотрят настороженно, контролируют мои руки и поведение в целом. Убедившись, что я без оружия, позы слегка «поплыли», но даже мой неопытный взгляд уловил, что у двоих руки на пистолетах. Все правильно, – беспечных давно схоронили. Даже «мобики» научились держать ушки на макушке. Это же мой третий «выезд», так что кое-что понимаю и подмечаю.

– Что-то вроде того, – я пожал плечами и брякнул: – Я блог веду.

Опаски в глазах большинства поубавилось, как и скованности. Большинство даже заулыбалась.

– Блогер, значит. Сигареты есть?

К этому вопросу я был готов на все сто – друзья просветили. Сигареты на фронте ценились ничуть не меньше, чем патроны. А иногда даже больше, потому что патронами, на крайняк, можно разжиться у врага, а сигарет от него точно не дождёшься – с той стороны те же проблемы со снабжением, а в последнее время и подавно. Практически бомжами воюют. У нас-то сейчас попроще стало – стреляющего добра хватает, но все равно легче найти неразорвавшийся снаряд от «Солнцепака», чем пачку курева.

– Сейчас, пацаны, – сказал я и, скинув со спины рюкзак, достал из него целый блок «Winston». – Подгончик от всей души!

Наверное, выкати я им сейчас новенький Т-14, и то благодарности было бы меньше! Мне отбили бока и плечи под

смех и одобрительные восклицания.

– Про «ночники» и коптеры, я думаю, вам майор Соколов сам расскажет, – заметил я, когда мы уже познакомились и со старшим лейтенантом Шурыгиным отошли в сторону.

Лейтенант, молодой парень родом из-под Брянска, с улыбкой наблюдал, как его ребята счастливо «дымят», во всю демаскируя позиции.

Я тем временем незаметно оглядывался – в настоящем окопе до сих пор ни разу в жизни бывать пока что не приходилось. Несмотря на не самую холодную зиму, в траншее было сухо и чисто. Стенки выровнены, пол выскреблен. Чуть дальше виднелись темное пятно входа в землянку и крыша из бревен в три наката с толстым слоем дерна поверх. Точка на краю деревни готовилась давно и по всей науке.

– Парни теперь тебя на руках готовы носить, – хмыкнул лейтенант. – Сам догадался или подсказал кто?

– Друзья, – честно признался я. – Они с самого начала где-то тут, под Донецком, добровольцами.

Лейтенант кивнул.

– Половина моих – такие же добровольцы, остальные – из призыва, но уже спелись. Поначалу куксились, но когда под обстрел попадаешь, сразу память отшибает, кто твой сослуживец и откуда родом. Паша, вон тот, что все лишнюю пачку себе норовит стянуть, тот вообще из Одессы.

Мы помолчали.

– А ты какими судьбами? – посмотрел на меня лейте-

нант. – Из Москвы, небось?

– Оттуда, – кивнул я. – Мы с друзьями привезли груз для вашего батальона. Коптеры, визоры, ну, и ещё кое-что по мелочи...

Лейтенант улыбнулся и поднял большой палец.

– Виктор, – мы незаметно перешли на «ты», благо оказались почти одногодками. – А может ты знаешь, где мне Кощея найти?

Шурыгин уставился на меня со странным выражением.

– Зачем тебе Кощей, Саша?

О бойце с позывным «Кощей» нам поведал все тот же сержант. По его словам других таких отчаянных сорвиголов на фронте можно по пальцам одной руки пересчитать и то вряд ли. В смысле, живых до сих пор. В каком тот служит подразделении, сержант не знал, но указал направление, где искать.

– Интервью хочу у него взять, – честно признался я.

Лейтенант покачал головой.

– Если сам не знаешь, скажи, где спросить можно, – взмолился я (из 117-й, к слову, нас сюда и отправили). – У меня аудитория – пацаны лет пятнадцати-двадцати. Хочу им про настоящего героя рассказать.

Шурыгин на меня покосился, и я мысленно ударил себя по лбу: язык мой – враг мой! Ну разве можно так воину говорить?! По сравнению со мной они – все тут герои, не то, что некоторые. Следовало как-то срочно исправлять ситуацию, но я не мог приложить ума как. Слово не воробей, вы-

летело – не поймаешь.

Впрочем, лейтенант легко «прочитал» мои потуги и отмахнулся – умен оказался не по годам.

– Не дури, Саша, все я понимаю. Вот угоню «Абрамс», и про меня пару строк черканешь, так?

Мы вместе посмеялись, и мне стало легче.

– Насчёт задумки твоей, – медленно проговорил он. – Тут вот какое дело. Многие этим твоим Кощеём интересовались, да без толку все.

– В смысле? – не понял я.

– Личность это здесь довольно известная. И поговаривают, что все байки о нем – правда.

– Это как?

– А вот так, – хмыкнул Виктор. – Каждый из моих ребят может тебе не моргнув глазом сказать, что как минимум десяток врагов забрал. Но все это так: может правда, а может и нет. В рукопашную, чтобы глаза в глаза, редко кто ходит. Издалека засадишь и ждёшь. Если на том конце замолчали, значит, попал, куда надо. А как там на самом деле стало – одному Богу ведомо. Может, везунчик с той стороны попался, и глядишь, через час он снова в нас из автомата шпарит. Потому все, что вы по телеку видите, – это просто расчёты.

Я пока не понял, к чему он клонит.

– Расчёт, если простыми словами, – это когда десяток магазинов высадил, троих врагов точно убил.

До меня стало смутно доходить.

– И?

– А тут, говорят, наоборот все. Выживших не бывает, и свидетелей, хоть отбавляй, – Виктор хмыкнул.

Впрочем, я по-прежнему не понимал, к чему он клонит.

– Не найдёшь ты его здесь, – оказывается, к нашему разговору прислушивалось все отделение Шурыгина, и один из его ребят, как я понимаю, решил помочь лейтенанту. – Я слышал, Кащей только в безнадежные бои лезет.

– Точно!

– И я слышал.

– А Серый из четвертой роты брехал, что тот на выручку может прийти, если совсем труба.

– То-то и оно, что брехал!

Солдаты заспорили.

– Отморозок этот ваш Кащей, – вдруг произнёс один из бойцов, смуглый азиат со снайперской винтовкой. Говорил по-русски он удивительно чисто. Как бы и не получше меня.

– Ты чегой-то, Филин, – хмыкнул Виктор, – завидуешь?

– С чего бы это? – буркнул тот, кого называли «Филином». – Чему тут завидовать? Бога у человека нет!

– Да ты, я смотрю, Филя, философ? – лейтенант похлопал его по плечу.

– Попомни мои слова, командир! – «Филин» сплюнул. – Знаю я таких. Поганая натура! Кому война – слезы, кому – потери, а таким, как этот, – сладость! Таким, как он, все равно, кому бошки дырывать!

Азиат так вытаращил глаза, что все засмеялись. Но тот не обиделся, видно, что привык к подтруниванию сослуживцев.

– Ну, ты и сказанул – по своим!

– Фил, чегой-то ты сегодня не в духе...

Снайпер невозмутимо пожал плечами и отошёл.

– Отморозок или нет, не знаю, – произнес, наконец, Виктор, – но Калач прав: Кощея видели только, когда совсем триндец. Не вмешивается он, когда пятеро на одного, ему двадцать пять – подавай. Так что не встретишь ты его здесь, Саша, не надейся. Мы, почитай, в тылу. От линии соприкосновения до деревни километров пять. А там рота Коломийцева стоит. Усиленная.

– Может, мне к ним сходить? – поспешил спросил я.

– Жить надоело?! – резковато бросил Виктор. – Там до противника – метров триста от силы. Прилетит, и моргнуть не успеешь. А мне потом комбат башку снесет, что гражданских на передок пустил. Нет уж, Саша, переночуешь у нас в земляке, а завтра утром – обратно. От греха. И так непонятно, кому пришло в голову тебя сюда посылать. ДРГ ведь никто не отменял.

Видя, что я приуныл, он хлопнул меня по спине.

– Не горюй, парень, тут войны ещё на тысячу репортажей хватит.

Разговор на время прервался. Но потом я решил, что сюжет всё-таки напишу, пусть и со слов тех, кто хоть что-то слышал об этом сорвиголове.

– Есть хотя бы предположение из какой он части? Спецназ какой-нибудь? О нем же после таких дел вся страна должна знать.

– Спецназ? – усмехнулся Виктор. – Ты думаешь, ты первый такой?

Тут уже до меня стало доходить.

– В смысле того, что не я один за ним гоняюсь?

– В точку.

– И я так понимаю, этого Кощея ещё никто не нашел.

Шурыгин молча ткнул в меня указательным пальцем и поднял большой – вверх.

– Может, сказки все это? Выдумки?

Лейтенант покачал головой.

– Не похоже, Саша, на сказки. Живой он, даже, я бы сказал, чересчур. Вот только, я думаю, не слишком-то он хочет на передовицы попасть.

– Скромный?

– А зачем ему светиться? Кому следует, про то наверняка больше знает.

Мы немного помолчали.

– Так откуда же он взялся?! – не выдержал я.

– Поговаривают, что – местный, – Виктор всем своим видом показал, как следует относиться к этим словам. – Но я его пару раз сам видел метрах в двадцати, и вот что я тебе скажу, Саша: там одной снаряги на несколько миллионов, а пушка его – это вообще что-то с чем-то. Я потом, когда в гос-

питале по ранению лежал, пытался в интернете найти хоть что-то похожее, да куда там!

– Может, он из вагнеровцев? Они – на всем своем воюют.

– Мы с ребятами тоже так поначалу думали, но у тех жесткая иерархия. А Кашей по всем признакам – одиночка.

– А разве на фронте одиночки бывают?

– Тут и не такое бывало.

Я помолчал, переваривая информацию, а затем произнёс:

– Прямо «летучий Голландец».

– И не говори, – Виктор хлопнул меня по спине. – Пошли ко мне в апартаменты, у меня Потапенко недавно кашу сварил, – пальчики оближешь!

– А я думал, выдохлись... – прокричал мне в ухо Виктор.

Следующие слова заглушил звук взрыва, и очередной куст земли поднялся совсем уж близко. Резко стегануло по ушам. Я инстинктивно присел вглубь окопа – раньше под обстрелами такой интенсивности бывать не приходилось, – но тут же поднялся: не хотелось терять уважения Виктора и его людей. Оглянувшись, я перехватил взгляды его подчинённых – на меня посматривали испытующе, но без презрения. И на том спасибо.

– Хорошо кладут, черти, – раздосадованно бросил Виктор.

Черти – это, конечно, те, с другой стороны. Никак иначе лейтенант врагов не называл, но в глазах при этом светилось

что-то такое, что ему сразу верилось: да, там действительно нечисть. Мне было чудно это слышать, потому что мой лучший друг – из Киева. При любых разговорах мы с ним старались избегать темы происходящего в наших странах, но в последнее время события становились все горячее.

Тут ожила рация, и Виктор несколько минут слушал, не перебивая.

– Понял тебя, Глаз-2. Пять коробочек и столько же колес. Идут прямо на нас. И сопровождение – до роты. Понял, отбой, – он пару секунд смотрел вперёд невидящим взглядом, а затем встряхнулся.

«Коробочками», я слышал, военные называли танки. Плюс машины, скорее всего переоборудованные под «безумного Макса». Рота боевиков. И все это против девяти человек, включая меня.

Виктор собрал всех рядом с землянкой, где окоп расширялся почти до двух метров. Молча оглядел. Затем его взгляд остановился на мне.

– Противник частью обошел, частью связал боем роту Коломийцева и вот-вот будет здесь. Если он пройдет деревню быстрее, чем за четыре часа, наши не успеют подтянуть оперативный резерв и тогда... – Виктор мрачно хмыкнул. – Тогда всем позади нас будет весело.

– Поддержка? – это долговязый солдат с крутыми тактическими очками.

– Будет, – кивнул лейтенант. – Как только так сразу.

Один из солдат погладил небритую щёку.

– У нас патронов на два часа боя. В лучшем случае.

– Ты ещё их проживи, – кто-то буркнул за его спиной.

Помолчали. Лейтенант не сводил с меня взгляда, и я понял, что сам он эти слова не скажет. А ещё очень сильно защемило в груди, так что показалось, будто не хватает воздуха.

– Ты ещё можешь уйти, – тихо промолвил Виктор. – Возьми нашу машину.

Всё-таки сказал. Теперь у меня не осталось выбора.

– Ответь только на один вопрос, – попросил я его.

– Какой? – удивился он.

– Это похоже на двадцать пять против одного?

– Так, глядишь, и о себе писать придётся, а? – весело подмигнул мне Виктор.

Веселого, впрочем, вокруг было мало.

Две атаки, как и обещал мой новый знакомый, мы отбили играючи. Внизу, метрах в двухстах, догорали два Т-72. Их приложили в самом начале, когда непуганый враг попер в наглую, не разбирая дороги. Оставшиеся три машины в результате отползли в лесополосу и продолжали поддерживать своих издали, чтобы не схлопотать кумулятивную ракету. Вот только ракет у нас больше не было, и как только боевики просекли бессилие обороняющихся перед броней, везение наше закончилось.

Отделение лейтенанта Шурыгина держалось. Мы зубами цеплялись за каждый угол. Почему мы? Потому что мне тоже пришлось взять автомат в руки. Несколько человек попытались зайти нам в тыл, и все кончилось бы печально, не подай знак Филин. Не ожидавшие вооружённого отпора нападавшие полегли все до одного, но нашего снайпера накрыло выстрелом из танка. Ни отойти, ни укрыться он не успел.

– Похоже, нас осталось трое, – Виктор с перемазанным лицом и царапиной на виске почти кричал – я не врач, и диагнозы ставить не умею, но слышал, что так ведут себя после контузии.

В подтверждение его слов слева, за развалинами дома опять прострекотал пулемет.

– Мелкий развлекается, – Виктор на мгновение высунулся, дал куда-то вниз короткую очередь и упал вниз. – Туда!

Короткий бросок в сторону – вовремя: задержись мы на мгновение, и нас перемешало бы с землёй. Рвануло сильно, но мне уже почему-то было не страшно. И вообще внутреннее напряжение давно исчезло, и я чувствовал, как меня подбрасывает от выплеска адреналина. «Засэйвиться бы», – подумал я и только усилием воли не засмеялся.

– Сколько нам ещё держаться? – вместо этого спросил я. Вопрос, конечно, глупый – как будто это мы сейчас решаем. Нас обложили со всех сторон, и дожимают.

Не очень активно, к слову, иначе все давно было бы конечно. Даже мне, непрофессионалу, это понятно. Мы их

несколько раз причесали, и теперь враг действует с осторожностью.

– Не жалеешь? – Виктор, пока позволяла ситуация, набивал патронами магазин.

Я прислушался к себе: умирать не хотелось, но сейчас чувства все словно «замерзли».

– Нет, – честно ответил я, а затем, подумав, добавил: – наверное.

Виктор хмыкнул.

Справа снова заговорил пулемёт, снизу ему ответило несколько стволов поменьше.

– Надо Мелкому помочь, – произнес Виктор и снова высунулся из укрытия.

В этот момент внизу рвануло так, что я подпрыгнул. Мой знакомый сполз по стенке и ошалело уставился на меня.

– Танк звездануло! Башню аж нахрен....

Я рискнул и тоже высунулся наружу. Картина, открывшаяся у подножия холма, на котором располагалась деревня, впечатляла: внизу на дороге чадно горел танк. Причём башня лежала метрах в двадцати от всего остального хозяйства. Для верности я убедился, что наши два гаврика тоже там, где им полагается, – один у опушки уныло уткнулся стволом в землю, второй стоял боком, потеряв гусеницу. Если учесть, что четвёртый, обходя деревню по широкой дуге, увяз в грязи, и теперь не имел возможности никак нас достать, то у врагов осталась одна машина. В данный момент она пяти-

лась задом к лесу, поводя стволом из стороны в сторону.

Тут-то я его и увидел. Высокая фигура в незнакомой экипировке метрах в пятидесяти левее наших развалин. Удивительно, но человека я разглядел именно боковым зрением. Впившись взглядом в кусты, где было замечено движение, я не заметил ничего необычного – кусты они и в Африке кусты. Отводишь взгляд – человек, как по волшебству, возник на периферии. По-моему, он куда-то целился. Выстрел. Перед нами снова хренакнуло, и моему изумленному взору предстала кончина последней бронированной машины. Ощутимо ударило по ушам, – хлопок – башня, кувыркаясь покатила по земле, как здоровенная сковородка. Подрыв боезапаса второй раз подряд. Такое вообще бывает?

Я оглянулся назад, чтобы пригласить на представление лейтенанта, но судьба распорядилась иначе. Нас всё-таки обошли.

Семь человек бросились к окопу с тыла. Убедившись, что их заметили, завыли, словно волки, и дальнейшее я уже помню слабо. Выпущенная в упор обойма. Дыра вместо лица у человека в камуфляже с атоматом. Сцепившиеся в яростном порыве Виктор с каким-то долговязым в натовском шлеме, оба держали руками ножи друг друга за лезвия и не замечали, как сталь прорезает перчатки, кожу и скребется об кости.

Очнулся я оттого, что мне почудилось, будто где-то забыли закрыть кран с водой. Она булькала и текла, текла...

– Вода... – голос полный разочарования.

Я отчаянно замотал головой. Мысли путались, но слово «плен» набатом зазвучало в моей голове, перекрывая все остальное.

– Живой? – голос вызвал во мне... страх? Или скорее, недоумение. Такой тембр бывает только у драконов в сказках.

Я открыл глаза и снова закрыл. Надо мной склонилось... нечто. Конечно, это был человек, но вот все остальное! Голова скрыта за глухим шлемом неизвестной мне конструкции (хотя много ли я их видел?). Защитный костюм больше всего напоминал скафандр из какой-нибудь компьютерной игры, разве что не было видно никаких лампочек и любой другой индикации. При этом сочленения, как им и положено, сгибались – разгибались, а там, где у одежды возникают складки, топорщилось и на незнакомце.

Отбросив пустую флягу, он поднялся и осмотрелся по сторонам. Я все это время, как сквозь вату, за ним наблюдал. Затем воин поднял с земли оружие, и я сразу вспомнил слова Виктора про «пушку», с которой ходит Кощей. Вот тут как раз «мигало» изрядно. «Ствол» неизвестного воина не походил ни на одно виденное мной средство уничтожения. Ну разве что на ум приходило сравнение с BFG из фильма DOOM.

– Кащей?!

Похоже, я произнес слово вслух, потому что воин резко

на меня оглянулся.

– Слышал про меня? – удивленно прогудел он из-под шлема, и я решил, что скорее всего, голос изменен и усилен электроникой. – Откуда?

– Мне про вас друг рассказывал, – я посмотрел в ту сторону, где в последний раз видел сражавшегося лейтенанта.

На том месте оказалась куча-мала из тел в изорванном камуфляже.

– Дру-уг? – полувопросительно – полуутвердительно протянул Кощей, он, похоже, решил, что я говорю про Виктора. – Я видел. Бился славно!

Я невольно скрипнул зубами: за тот день, что свела нас вместе судьба, мы действительно сошлись, и в будущем вполне могли подружиться. Не часто встретишь человека, о ком можно сказать, будто вы знакомы всю жизнь.

– Один против троих сдюжил, – заметил Кощей. – И кстати, тебя, дурака, спас, когда ты, разинув рот, палил вот в этого, – он кивнул куда-то в сторону. – Добрый был вой.

Этого я уже не помнил, из-за чего лицо залила краска стыда, – возможно, и погиб он из-за меня. Кряхтя, я поднялся и, весь скособочившись, доковылял до клубка из тел. Виктора под врагами не было видно.

– Хоронить будешь? – полупрезрительно бросил Кощей.

– А что? – задал вопрос я, лишь бы не молчать. С такой войной мне еще не приходилось сталкиваться, и весь наносной книжный романтизм из моей головы постепенно улету-

чивался. – Он был героем!

– Героев нужно сжигать! – уверенно пророкотал воин. – Или ты тоже поклонник этого на кресте?

Сжигать? Мысль показалась мне кощунственной, но память подсказывала, что этот странный наемник (я почти не сомневался, что никем иным он и быть не может) прав – когда-то существовала такая традиция. Но я, хоть убей, не мог вспомнить, когда и где.

– Я напишу о нем, – прошептал я, и, опустившись на карачки, попытался найти лейтенанта, но куда там! Пальцы бессильно царапали разорванный пулями камуфляж – сил у меня практически не осталось.

– Так ты скальд? Скоморох? – удивленно прогудело над ухом, и меня довольно грубо оттерли в сторону. Воин в незнакомой броне без всяких усилий раскидал тела.

– ГРА-НА-ТА, – он довольно хмыкнул. – Твой друг действительно достоин песни – он ушел, прихватив с собою врагов.

К такой степени самопожертвования я оказался не готов. Виктор дрался до конца. А после подорвался на своей собственной гранате, уложив тех, кто мог бы добить меня. При чем встал так, чтобы в мою сторону разлета осколков не было. Чем теперь отдавать долги?

Рука, помимо моей воли, дотронулась до лица человека, который почти стал мне другом, и я почувствовал, как впервые в жизни закрываю кому-то глаза. На лице лейтенанта за-

стыло выражение человека, исполнившего свой долг, – спокойствие напололам с торжеством.

– Почему ты не спас его? – вырвалось у меня. – Ведь ты же мог.

После безвременной кончины последнего танка и прямо перед самым нападением я заметил ещё кое-что: человечки с автоматами стали валиться в снег один за другим. Кто-то расправлялся с живой силой противника с той же лёгкостью, с которой только что уничтожил танки.

– Ты в своем уме, скальд?! – из-под глухого шлема прозвучало нескрываемое раздражение. – С какой стати мне кого-то спасать?

Мне и самому было непонятно, зачем я произнёс эти слова. Вырвалось. Слишком происходящее выбивалось из той повседневной, размеренной жизни, к которой мы так привыкли. Да и по привычке той, мирной жизнью, автоматом хотелось переложить ответственность.

– Зачем же ещё уничтожать врагов?

– Врагов?! – теперь в голосе Кашея слышалось изумление. Похоже, он говорил вполне себе искренне, и я даже растерялся, не зная, что ему сказать в ответ.

Мне стало не по себе. Для чего ещё убивают? И если они не враги, то кто?!

Мое замешательство прервал звук тяжелой техники, усиливающийся с каждой секундой. Я посмотрел в ту сторону,

но за горами досок, что уже нельзя было назвать даже развалинами, виднелся только затянутый серыми тучами небосклон. Воин тоже уловил механическое рычание. Затемненный вихор, обращенный в сторону звуков, недвусмысленно демонстрировал осведомленность. Я ожидал, что он принесет что-то вроде: «Пришла подмога» или там «Повезло тебе, парень», но снова был огорошен. Наёмник, не говоря ни слова, подхватил свое чудо-ружье и потопал туда, где я засек его появление в самом начале боя.

– Эй! – крикнул я ему вдогонку. – Там же наши!

Но на мой возглас так никто и не отреагировал. Спустя секунд двадцать фигура наемника совершенно пропала из виду, и у меня не оказалось никакого желания использовать боковое зрение, чтобы узнать, там он ещё, или исчез также внезапно, как и появился. А ещё спустя минуту к нашим позициям вышли ребята с «триколором» на рукавах, и мой мозг решил, что удерживать сознание больше не обязательно.

– А ты чего, Саня?! – Колян, с которым мы и ездили в эти командировки, слушал мой рассказ не в первый и даже не в десятый раз, но каждый, кто мог наблюдать за ним в этот момент, ни за что бы не догадался об этом. Степени его сопричастности позавидовал бы любой самый впечатлительный человек.

При этом даже я, с детства знакомый с этим деятельным до невозможности человеком, так и не разобрался, играет ли

он на публику или действительно снова и снова переживает все эти события.

– Прележал в госпитале почти две недели. Оказалось, что мою тушку всё-таки зацепило. Рука до сих пор слушается с трудом, – я продемонстрировал присутствующим правую руку и подвигал пальцами. Движение отозвалось болью, к которой я уже успел привыкнуть.

– А с Кощеем что? – это Гоша, программист, отъявленный разгильдяй и лентяй от бога, который тем не менее не сбежал, как многие сверстники, в дружественную страну, а отправил письмо прямо в Минобороны, где изъявил желание поступить на службу родине-матушке, но выкатил при этом кучу условий, о которых до сих пор отказывается говорить.

– А ничего, – я пожал плечами. – Я потом ребятам из ФСБ целый трактат накатал. О встрече, о разговорах, ну, и вообще. Только, подозреваю, у них таких сочинений и без меня хватает.

– А статью о нем ты написал? – это Ксюха, в миру бизнес-тренер и один из самых жестких управленцев нашего времени, «в личке» – «пушистик», каких поискать (ну, да кто ее видел «в личке»...).

– Не стал я о нем ничего писать, – разговор о «Кошее» всегда портил мне настроение. – Прав был Филин, гнилой это человек, неправильный, – я поднял стакан и оглядел своих самых близких друзей. – За героев! За Виктора! Пусть земля ему будет пухом!

Фигура в странных защитных доспехах углубилась в подлесок. Деревня, в которой догорали пять танков и полегло не меньше четырёх десятков боевиков, осталась далеко позади. Воин на мгновение замер, прислушиваясь, а затем резко сменил направление – впереди кто-то был, а ввязываться в новую драку не очень хотелось. Сегодня он уже изрядно потешил свое самолюбие, и с долей сожаления подумал, что «людишкам повезло, хотя они и не подозревают об этом».

Даже для него жертв оказалось достаточно. Человеческие тела, замершие в самых разнообразных позах, никогда не вызвали у него особых эмоций, и потому он сразу выкидывал их из головы. Но вот лицо последнего выжившего то и дело возникало перед глазами. Хотя нет, даже не лицо, – голос. Человек попрекал его тем, что он оказался недостаточно расторопным. Даже не так, – его прямо обвинили в смерти какого-то там Виктора! От досады и раздражения он даже несколько раз споткнулся. У него и в мыслях не было кого-то спасать.

Воин гневно тряхнул головой и прибавил шаг. При этом ему без всяких видимых усилий удавалось удерживать в руке огромную винтовку, в которой даже самые знающие специалисты не смогли бы опознать ничего похожего на образцы современного снайперского искусства. Даже любители штучного товара и те спасовали бы – ну, не встречал никто ничего подобного.

Перед одной из воронок в земле воин притормозил, хотя обойти препятствие не составляло труда. Он несколько секунд постоял перед преградой, перехватил оружие крепче и, оглянувшись по сторонам, спрыгнул вниз. Окружающий мир померк. Пропал солнечный свет. Глубина каверны оказалась обманчивой. Как будто вместо метровой ямы воин провалился в глубокое подземелье. Спустя какое-то время падение замедлилось, и его ноги уперлись в нечто твердое.

Рослую фигуру окружили сумрак, камень и свисавшие с потолка сухие корни. Где-то вдалеке захлопали крылья. Впрочем, если бы здесь присутствовал наблюдатель, то уже через пару секунд ему стало бы ясно, что обладатель диковинного ружья и не думал паниковать. Для воина дорога оказалась настолько привычна, что он, не задумываясь, отмахивался от сыпавшегося из кладки на потолке песка и уверенно шел вперед. Ощущение заброшенности постепенно исчезало. Старый, потерявший яркость кирпич покрывался обшарпанной штукатуркой. Мох, селившийся на большей части стен, постепенно уползал в тень, отбрасываемую редкими факелами, которые торчали из проржавевших канделябров.

Вместе с окружением менялся и вид самого воина. Глухой шлем на глазах расползлся. Зеркальный визор, ещё минуту назад скрывавший глаза, сначала подернулся черной дымкой, а затем растворился вовсе. На свет показался узкий рот с плотно сжатыми тонкими губами нездорового серого оттенка. После – на положенном месте вырос нос и возникли

глаза серо-голубого цвета, в глубине которых, даже если не всматриваться, можно было разглядеть мрачный огонь.

Доспехи тоже преобразались. Поблекла и растворилась защитная расцветка. Невесть куда подевались подсумки и разгрузка, вмещавшие все необходимые военному вещи. Да и сама броня больше не походила на современный индивидуальный защитный комплекс, заиграв голубовато-стальным отливом. Плечи округлились стальными получашами с угрожающего вида шипом, торчавшим вверх. Нагрудник раздался в стороны, а на месте живота зашелестела кованая чешуя.

С каждым шагом воин увеличивался в размерах, его фигура добавляла несколько десятков сантиметров росту. Когда он вышел в ярко освещенный огнями зал, в нем оказалось никак не меньше двух с половиной метров. Задержавшись на пороге он окинул помещение недовольным взглядом и рявкнул:

– Опять, старая, бока натираешь! Обед где?!

От рыка воина, который уже ничем не походил не только на обычного солдата, но даже и на представителя какого-нибудь сверхсекретного спецподразделения, испуганно задрожало пламя в очаге и зазвенели стекла.

Зал, где оказался воин, не то, чтобы поражал своими размерами, но явно намекал, что дело происходит как минимум во дворце: позолота, вычурный орнамент на потолке и стенах, старинная антикварная мебель, картины со сценами из древнерусских былин. У дальней от входа стены – огромный

очаг с двумя креслами, из-за которых потрескивали в огне дрова. Посередине зала огромный пустой стол, застеленный белой скатертью.

От камина донеслось старческое кхеканье и послышался сухой, надтреснутый голос:

– А тебе самому уже и постучать по столу не в мочь? В конец же обленился, ирод. Все бы тебе бедную старуху гонять.

Раздался скрип отодвигаемого тяжелого кресла, и на свет выбралась бабка настолько преклонного возраста, что было странно, как она вообще ходит. Однако скрюченная в три погибели женщина тут же доказала, что возраст возрасту рознь – она живо просеменила к столу, из-под дырявой накидки показалась высохшая рука, и тонкие пергаментного цвета пальцы костяшками трижды стукнули по деревянной поверхности.

– Эй, любезная, собери нам что-нибудь, да побыстрее, а то, вишь, приходят тут всякие да командуют, как у себя!

По выдавшей виды ткани пошли радужные волны и, как по волшебству, на столе стали появляться тарелки, блюда, плошки, садки и прочие емкости, в некоторых из них содержимое исходило едва заметным парком. Зал мгновенно наполнился множеством ароматов.

Взгляд воина при виде такого разнообразия заметно потеплел, и он небрежно прислонив оружие к столу, уселся на стул во главе стола.

– Ну, вот, Яга! – он хлопнул в ладоши и довольно потер

ими друг об друга. – Так бы сразу. Садись-ка ты со мной, а то вон какая костлявая!

Воин раскатисто захохотал, но веселился недолго, ему вспомнился давешний разговор.

Старуха с невозмутимым видом уселась с другой стороны. Небрежно закинула в рот перепелку – на секунду показались ровные белые зубы – и захрустела.

– Чавой-то ты такой злой? Наконец получил на орехи?

– Ты, Яга, говори да не заговаривайся! – воин бросил на нее злой взгляд, но затем махнул рукой. – Да попался тут один. Герой. Упрекнул меня. Меня, Кощея, что я его друга от смерти не уберег! Не успел, мол! Каково?!

Мрачный огонь выплеснулся из глаз воина, и ощутимо повеяло страхом. Но на бабку это проявление гнева не произвело никакого впечатления.

– А че не уберег-то? – проскрипела она.

– Да ты в своем уме, старая?! Я – Кощей! Зло!

Старуха закинула в рот еще одну перепалку и бросила на воина ироничный взгляд.

– И че ж ты такой весь из себя злодей поперся в родительский мир за русский дух воевать?

Воин несколько минут гневно сопел, но потом не выдержал и принялся за парящее дурманящим ароматом мясо теленка.

– Я поклялся на Кладенце род людской извести и своему слову не изменю!

– Угу, – кивала его словам бабка, закусывая малосольным огурчиком. – Как же, помню.

Кощей покачал головой.

– Но это я! Я должен его известить! А не вся эта шушера с Дракулой во главе! Это они заявили в мой дом и топчут мою землю!

– С каких это пор Родительский мир твоим стал?

– А с таких, Яга! – он грохнул кулаком по столу, и большинство плошек подпрыгнули. – Эти выскочки с Запада вздумали память о нашей истории перевернуть! Голову всем закружили! Мол, не будут о нас люди помнить, так и сил у нас не останется! Ты прочти, что они там пишут! – с этими словами воин покопался в кожаном кошелье на поясе и извлек оттуда телефон с большим экраном. Он с величайшей брезгливостью бросил его на стол.

– Да на кой мне твои нечистые штучки? В мой дом ещё притащил зачем-то, – старуха плеснула себе вина и резко поменяла тему: – А что, людишки там все такие же? Моя хата с краю? Таких и есть-то не хочется – потом животом маешься по полгода.

Кощей тем временем оторвался от кубка, осушив его за один глоток.

– Просыпается родовая память, Яга, – он с силой поставил его на стол. – Мало пока героев на Руси, но чую, русский дух не совсем угас. Будут у меня ещё враги, победу над которыми века помнишь!

Воин поднялся и с наслаждением потянулся.

– Ружо свое на место поставь! – попеняла ему Яга. – Лет уже тьма, а все кол на голове теши.

Кощей смущённо кашлянул и подхватил торчавшую над столом потертую рукоять огромного меча. По стальному лезвию с радужными прожилками пробегали искры. От винтовки с оптическим прицелом не осталось даже намека.

– Ваня про Кладенец не спрашивал? – буркнул Кощей.

– Нет, – покачала головой Яга. – Илья сказывал, тот на острове какой-то меч в озере изловил. Мелковат, конечно, но для басурман и этого хватит. Передать ему что?

В глубине глаз Кощея снова зажегся мрачный огонь.

– Пусть Иван не переживает, я своему слову верен – не будет ноги чужой на его земле, – он поднял меч к глазам и несколько мгновений любовался игрой света на лезвии. – Скажи моему известному врагу, что жива Русь, и мы с ним ещё не раз силушкой-то померимся.

Яга хитро прищурилась:

– Чой-то темнишь ты, Кощеюшка. То он, вишь, зло несусветное, а то ворогов заместо богатырей в землицу укладываешь.

Огромный воин в старинных доспехах поднял на нее тяжёлый взгляд. В глубине глаз его сверкнул нехороший свет.

– Нечего нечести иноземной на нашей земле лихо творить!

Питер, 16.11.2023